

— Книгами надо обращаться аккуратно, — сказала Егору Гортензия Андреевна. Сын застыл на пороге, прижимая к груди пухлый потрепанный том.

— Читай, но помни, что книги мы берем только чистыми руками, а если хотим отметить, где остановились, то пользуемся для этого специальной закладочкой. Страницы загибать нельзя.

— Береги книгу, источник знаний, — пробормотал Виктор, не открывая глаз.

Ирина улыбнулась:

— Иди читай, сынок.

Егор побежал к краю участка, где Кирилл, муж Ирины, повесил гамак между удачно растущими рядом старыми соснами, дававшими широкую, но не густую тень.

Ирина и сама собиралась в редкие часы досуга полеживать в этом гамаке с книжечкой, однако толстые белые веревки впивались в тело даже сквозь несколько слоев байкового одеяла, а потому пришлось отказаться от этой идеи. А вот сыну эти мелочи были нипочем. Во-первых, он

в три раза меньше весил, а во-вторых, погружаясь в текст, совершенно выпадал из реальности.

Наступило сонное послеполуденное время, когда жара приятна, только если ничего не делать, и все расположились на лужайке под сенью старого клена. Гортензия Андреевна вязала в шезлонге, Ирина с маленьким Володей сидели на старом ватном одеяле, гость Виктор лежал на раскладушке, угрожающе просевшей под его мощной фигурой. Ирина улыбнулась. Раскладушка была ржавая, брезент ее побелел и истрепался, как старый парус, если сейчас прорвется, то появится хоть законный повод выкинуть этот хлам.

Гортензия Андреевна вдруг энергично трянула головой:

— Господи, что ж я... Егор, деточка, читай спокойно, не обращай на меня внимания.

— Спасибо, Гортензия Андреевна, — донеслось с гамака.

— Вы уж меня останавливайте, Ирочка... — явно смущаясь, проговорила старая учительница, — ведь это не я придираюсь к вашему сыну, а мой профессиональный условный рефлекс.

Виктор фыркнул и уронил монографию, которую пытался читать, себе на лицо, да так и оставил. Получилось что-то вроде домика.

— Видишь ребенка — сделай замечание, — продолжала Гортензия Андреевна, — не знаю, как долго бедный мальчик выдержит мой напор.

— Все в порядке, Гортензия Андреевна, — снова попыталась успокоить ее Ирина.

Гортензия Андреевна вздохнула:

— Ох, не знаю, насколько приятной гостьей я окажусь в вашей семье, ведь, кажется, у педагогов профессиональная деформация еще хуже, чем у работников правоохранительных органов.

Ирина пожала плечами:

— Трудно сказать. У всех, наверное, так, кто вкладывает в свой труд душу. Взять хоть врачей... А, Виктор?

— Аюшки? — из-под домика книжного переплета показался круглый глаз цвета весеннего льда.

— Как у вас с профессиональной деформацией?

— У нас нет.

— Вообще?

— Ни крошечки.

— Правда?

— Чесслово... — Виктор широко улыбнулся и сел, а Ирина замерла, ожидая треска рвущегося брезента, но в этот раз обошлось.

— Невозможно поверить...

— Ни малейшей деформации, — повторил Виктор, — просто через десять лет работы человек превращается в животное, умеющее лечить людей, и все. И нема проблем.

Гортензия Андреевна и Ирина с удивлением закивали.

В знойной тишине послышался шелест велосипедных колес по гравию. Ирина обернулась. В открытую калитку технично въезжал Кирилл, руля тяжелым великом одной рукой. В другой он на отлете держал трехлитровый бидон белой

эмали с маленьким черным сколом возле донышка.

— Ни капли не пролил, — отрапортовал Кирилл Виктору, с неожиданной бодростью ринувшемуся ему навстречу. Книга упала в траву, взмахнув тонкими сероватыми страницами.

— Вот, пожалуйста, пример аккуратного обращения с книгами, — буркнула Ирина, поднимая томик. «Психиатрия», учебник для медицинских вузов. Не поздновато ли взялся за него адъюнкт Виктор Зейда? Давно пора читать не буквари, а серьезные монографии.

Передав бидон Виктору и поставив велик возле забора, Кирилл извлек из кармана брюк плоский газетный сверток, и тонкий аромат раннего лета тут же исчез под натиском рыбной вони.

— Я тоже, пожалуй, выпью стаканчик пива, — сказала Гортензия Андреевна, отложив вязание, — и все же мне кажется, молодой человек, что вы клевете на себя и на свою профессию.

— Не-а! Мы на самом деле становимся как коты. Ложимся на больное место — и проходит.

Виктор проверил, устойчиво ли установил маленький плетеный столик, и радостно засмеялся.

— Хотя бы умные коты?

— Иногда и так бывает.

Кирилл развернул газетку, вызвав такую волну рыбного смрада таранки, что Ирина вскочила и подхватила Володю на руки.

— Коты такое точно есть не станут.

— Что, Ирочка?

— Я говорю, если вы сожрете эту пададь, то я больше никогда никаких кулинарных претензий на свой счет не принимаю, — сказала она сварливо.

Кирилл деловито постучал рыбиной по краю Витиной раскладушки и заметил, что это самый деликатес.

Ирина пожалала плечами и вместе с младшим сыном отступила в тень. Жаркая июньская суббота — самое время рабочему человеку выпить пивка в мужской компании. Расслабиться, поговорить о таких вещах, которые глупые бабы не понимают, да и не должны понимать. Бессмысленно перебрать железки в гараже, обхаять тещу, всласть поматериться — все это нужно человеку для разрядки, и обычно Ирина сама гнала Кирилла тусоваться с друзьями прежде, чем он успевал с нею заскучать. Но теперь ситуация изменилась: она живет с детьми на даче, а Кирилл в городе, и так будет все лето, потому что отпуск он отгулял, если так можно назвать его вахту с детьми, пока Ирина выходила на работу по производственной необходимости.

Целых три месяца они будут видеться только по выходным, и то если падкий на работу Кирилл не возьмет сверхурочные или халтуру, и, честно говоря, хотелось бы проводить это время вместе, без посторонних. Ирина предполагала, что семейной идиллии будет мешать Гортензия Андреевна, приглашенная на весь отпуск, но старушка оказалась сама деликатность, а беда, как водится, пришла совсем с другой стороны.

В конце мая, еще до отъезда из Ленинграда на дачу, с Ириной связался профессор психиатрии, который не только выступал экспертом на ее процессах, но и довольно ретиво ухаживал за ней на нескольких официальных банкетах, когда она была еще не замужем. Любовниками они не стали, друзьями тоже, но зародилась между ними того рода симпатия, когда люди не видятся годами, но знают, что оба будут рады встретиться и помочь друг другу при необходимости.

Ирина сразу предупредила, что сидит в декрете, но воодушевленный профессор заявил, что так даже лучше. Больше времени останется у дорогой Ирины Андреевны размышлять над интереснейшим проектом.

Положив трубку, дорогая Ирина Андреевна задумалась, на какой вообще планете живут эти люди — мужчины, если к шестидесяти годам, имея множество детей и внуков, остаются при убеждении, что декретный отпуск — лучшая пора для научных размышлений в жизни женщины.

Готовясь принять у себя профессора с соратниками, Ирина твердо решила, что дело ограничится одной встречей. Выслушает, подскажет, сведет с компетентным человеком — и все, до свидания. В конце концов, у нее своя научная работа есть, настолько заброшенная, что Ирина уже почти забыла, что учится в заочной аспирантуре.

Профессор пришел в компании мужчины средних лет с мясистым носом и сочными губами

и огромного парня, похожего на гранитный монумент. Старшие гости галантно припали к ручке, а парень хмуро стоял на пороге, зажав под мышкой большую коробку конфет. Пучок анемичных тюльпанов казался совсем хилым в его могучей руке.

Ирина весь день вылизывала квартиру и готовила парадный ужин, чтобы не ударить в грязь лицом перед новыми знакомыми, сильно устала, и поэтому гости сначала вызвали у нее раздражение.

Парень показался туповатым, а Михаил Семенович Башмачников, как представил профессор своего товарища, понравился еще меньше. Рот, решила Ирина, слишком уж чувственный для пожилого человека, а такой пронизывающий взгляд, может, и необходим для усмирения психов, но в дружеской компании лучше его выключать.

Однако мало-помалу завязалась приятная беседа, и Ирине стало стыдно за свою реакцию полумойки, без разбору ненавидящей всех, для кого ей приходится наводить порядок.

Михаил Семенович с чувством похвалил ее пирог, молодой товарищ ничего не сказал, зато с аппетитом съел три больших куска, и раздражение Ирины совершенно улетучилось, тем более что доктора пришли с действительно интересной идеей.

Проблема маньяков или серийных убийц гораздо более актуальна, чем это готова признать советская наука. Пока даже западным исследо-

вателям точно не известно, что именно служит причиной появления маньяков: наследственность, воспитание, бытовые условия или что-то еще, но ясно одно — число их растет и будет увеличиваться дальше.

За рубежом давно ведется активная научно-исследовательская работа по этой теме, специалисты пытаются понять, не только откуда берутся эти выродки, но и кем они являются. Насколько возможно считать их нормальными и вменяемыми, какое наказание допустимо к ним применять. Темы интереснейшие, но поведение маньяков настолько дико, что не укладывается в марксистско-ленинские рамки, следовательно, попадает в слепое поле советской науки. Тему могут и утвердить, почему нет, только какими бы ни оказались результаты, из них придется сделать единственно верный вывод: патологические убийцы — явление сугубо спорадическое, рудимент и атавизм, который с развитием социалистического общества будет сходиться на нет, а к победе коммунизма уже совершенно отомрет.

Впрочем, Михаила Семеновича интересовала не чистая наука, а прикладной аспект. Каким-то образом он выяснил, как обстоит дело в США, которые лидируют по числу серийных убийц на душу населения, а тупиковый путь развития, по которому движется эта страна, не позволяет надеяться, что торжество коммунизма искоренит данную проблему вместе с множеством других. Поэтому бедным капиталистам приходится бить

по хвостам и поправлять свои дела менее радикальными способами, в частности, создать институт так называемых профайлеров, уникальных специалистов, изучающих психологию серийных убийц, закономерности их поведения, чтобы потом по картине преступлений составить представление о личности убийцы и подсказать следователям, где и кого искать.

Как рассказал далее Михаил Семенович, он, поразмыслив, решил, что эта практика, хоть и буржуазная, может оказаться полезной и для нас.

К сожалению, обычные методы розыска часто оказываются неэффективны для поимки маньяка. Хорошо, если удастся схватить его на месте преступления, или находятся свидетели, запомнившие какую-то значимую примету, но подобная удача выпадает редко. Маньяки обладают звериной осторожностью и чутьем, наносят удар и растворяются в темноте, и попробуй найди их в многомиллионном городе, ведь они не принадлежат к кругу общения своих жертв.

Психологический портрет тоже, конечно, не отпечатки пальцев и не номер машины, но сыщики бывают рады любой зацепке.

Так почему бы не попробовать? Тем более как раз поступил на кафедру новый адъюнкт, который пока еще не определил сферу своих научных интересов. Официально занятия начнутся только осенью, так что есть целое лето изучить вопрос и понять, есть ли перспектива и в каком направлении двигаться. Идея дерзкая, опасная,

зато у парня появляется шанс стать уникальным, единственным в своем роде специалистом, а может, и основателем целого научного направления.

Ирина покосилась на молодого человека. Будущий корифей и основоположник так увлеченно болтал с Кириллом на другом конце стола, что, кажется, забыл, зачем сюда пришел. От улыбки его лицо с крупными чертами сделалось совсем простым и даже глуповатым. Похоже, парень пороку не выдумает, но в целом замысел Михаила Семеновича показался любопытным, и, по мнению психиатров, Ирина могла существенно помочь им в реализации этой новаторской идеи, ибо проявила себя не только грамотным судьей, но и человеком с мощным аналитическим мышлением и развитым психологическим чутьем. Все были уверены, что подсудимые — убийцы, а Ирина усомнилась и не ошиблась. Более того — в одном случае истинный маньяк был изобличен только благодаря ее блестящей догадке.

Быстро взглянув на мужа, Ирина кашлянула. Кирилл — человек уравновешенный, но не нужно лишний раз напоминать ему тот кошмар. Михаил Семенович намек понял.

— Мы отчаянно нуждаемся сейчас в людях с нестандартным мышлением, — воскликнул Башмачников, — ведь мы ступаем на неизведанную территорию, не имея при себе, образно говоря, ни карт, ни компаса!

— А как же наработки американских коллег?

— Так разве нам кто даст с ними ознакомиться? Об этом смешно даже мечтать...

Ирина вздохнула. Железный занавес, может, от чего и защищает, но сколько забирает времени и сил у людей, вынужденных изобретать велосипед в отдельно взятой стране! А сколько создается неловких ситуаций, когда научный прорыв совершается почти одновременно и там, и тут — и попробуй установи истинного первооткрывателя! Ну и плагиаторов полно, не без этого, конечно.

Понятно, что вся оборонка должна быть засекречена, но почему нельзя поделиться опытом в таком важном и нужном деле, как поимка маньяков? Кому от этого станет хуже, кроме самих маньяков?

— Слишком уж все по-партизански, — вздохнула Ирина.

— А все великие открытия начинались в подвале на коленке, дорогая вы моя, — профессор саркастически засмеялся, — и, как правило, людьми, понятия не имеющими, куда их это заведет. Нельзя совершить прорыв, заранее зная, чем все кончится.

— Наука, как революция, — вздохнул Михаил Семенович, — замышляют гении, осуществляют фанатики...

— А пользуются плодами проходимцы, — заключил профессор с горькой улыбкой.

Ирина раньше не слышала этого афоризма, но постеснялась спросить, кто его автор. Не хотелось разрушать образ мудрой и на редкость культурной женщины.